1972 г.

6 7 2

МРТУ 19 № 183—65

3

2

08—3—268

Юрий Коринец

Там, вдали за рекой

художник Г. Сояшников

Когда я был маленьким, я очень дружил со своим дядей. Мой дядя прошёл огонь, воду и медные трубы! Он воевал за Советскую власть. Строил новые заводы. Дядя вечно ездил в командировки и всегда привозил что-нибудь неожиданное.

Он был великим рассказчиком. И весёлым выдумщиком. Я души в нём не чаял...

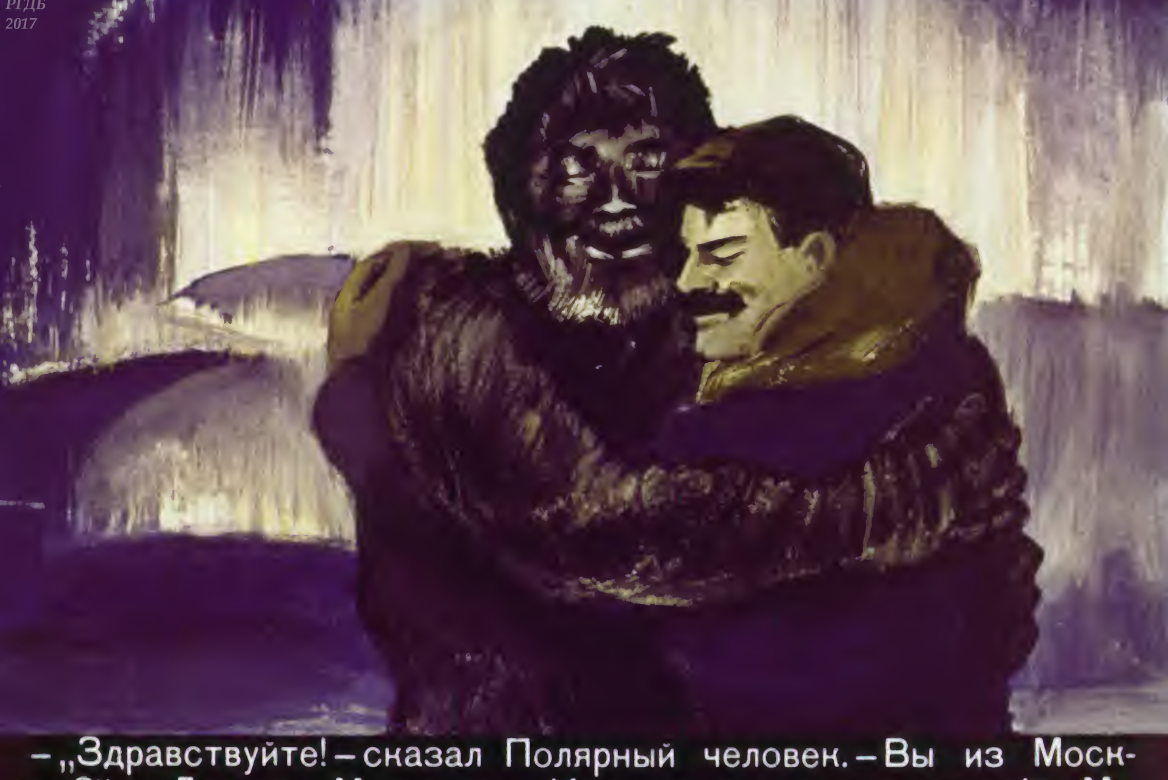
Но один раз мы с дядей поссорились. В тот раз он приехал откуда-то поздно вечером. За окном бушевала вьюга. Мы сидели при зажжённых свечах, и дядя начал рассказывать...

–Я подходил к Северному полюсу. Вокруг была кромешная тьма. Двадцать собак тащили упряжку. Я решил закурить, но увы! – трубки не было. Очевидно, я выронил её по дороге...

–„Я пополз по своим следам. Метрах в двухстах от меня сидел Полярный человек и курил мою трубку. Он рисовал на льду!“ – „Чем он рисовал?“ – спросил я. – „Бивнем мамонта!“

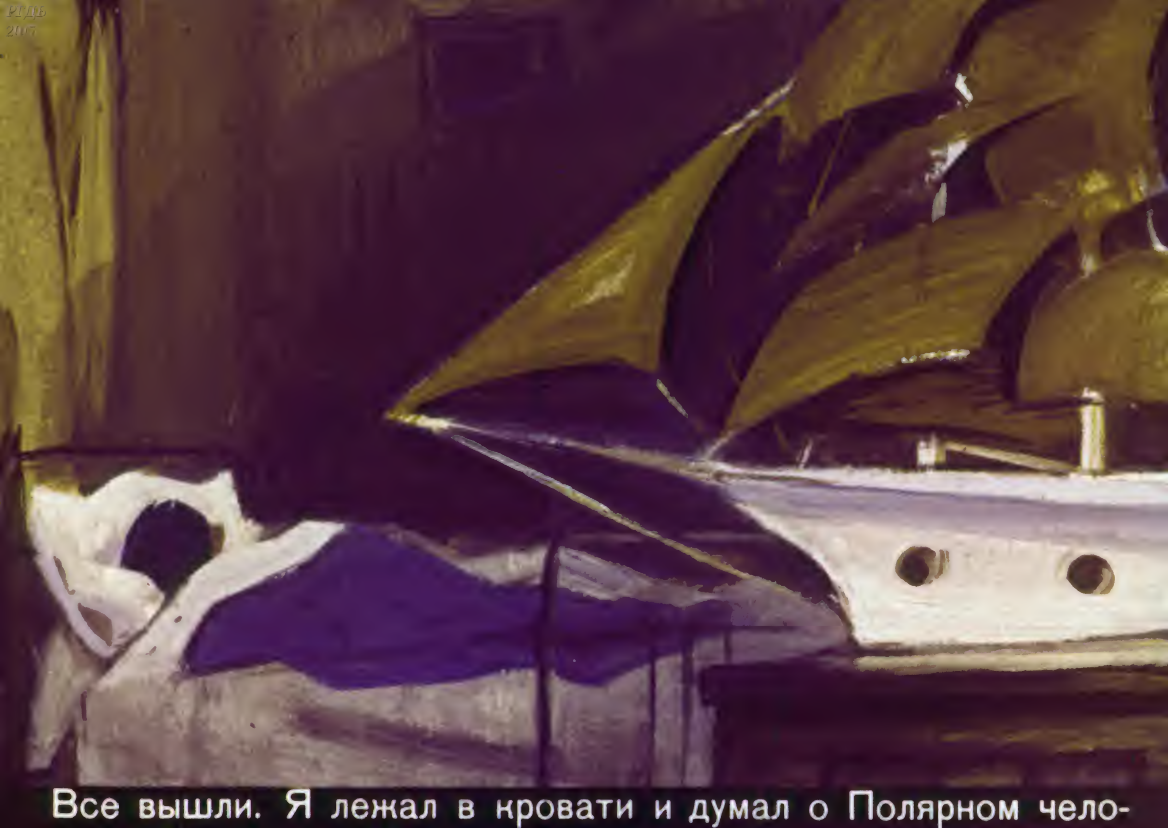
– „Здравствуйте! – сказал Полярный человек. – Вы из Москвы?“ – „Да, я из Москвы“. – „Клянусь, я рад вас видеть!“ – Мы кинулись друг другу в объятия и крепко расцеловались.

–Я гостил у него несколько дней. Вот что он подарил мне на прощанье... – Дядя встал и принёс с балкона – что бы вы думали? – кусок льда! – Это Северное сияние, – сказал он. – Оно нарисовано совершенно точно.

– „Всё это прекрасно, – сказала мама, – но Мише пора спать“.
– „Я не хочу спать! Хочу бивень!“ – „Считай, что он у тебя под подушкой, – сказал дядя. – А теперь – спать“.

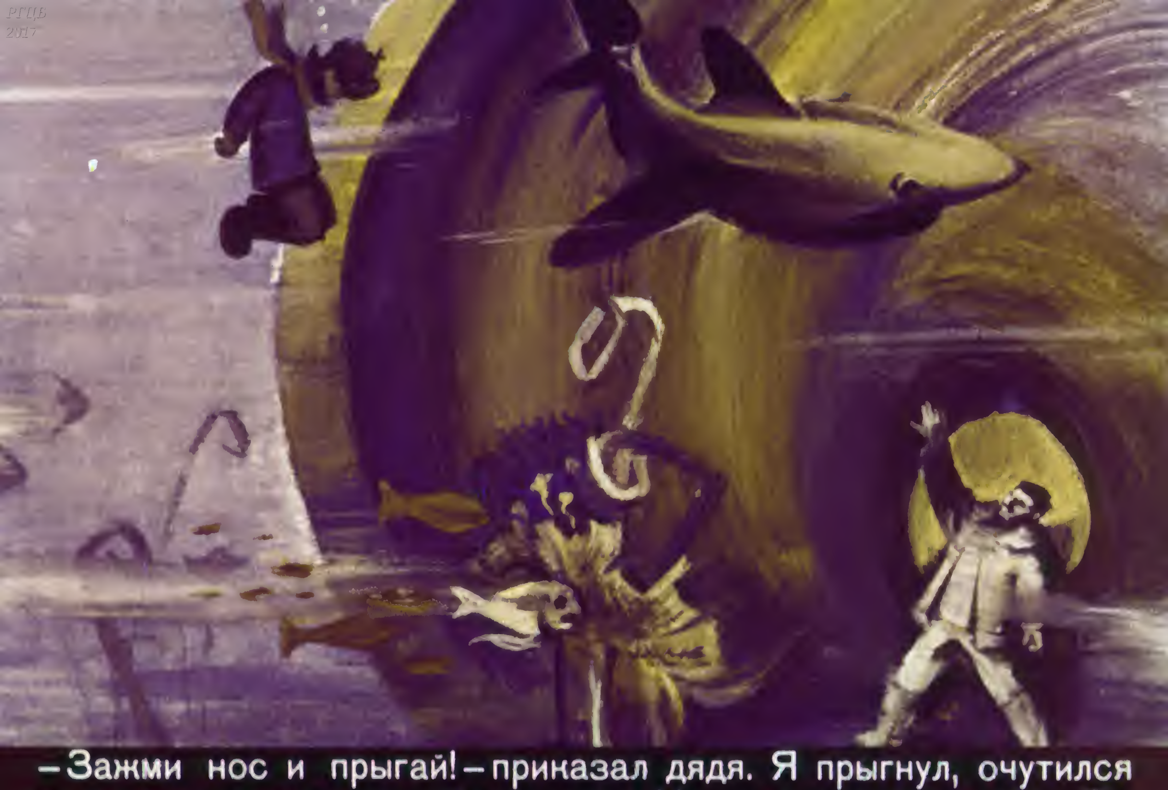
Все вышли. Я лежал в кровати и думал о Полярном человеке. И о бивне. Наконец я уснул.

Вдруг я увидел дядю. – „Надо пройти огонь, воду и медные трубы“, – прошептал он. – „Зачем?“ – „Чтоб был бивень!“ – Я оделся, и мы вышли на балкон.

– Вперёд, мой мальчик! – крикнул дядя и потащил меня за руку. Я понял, что мы идём сквозь огонь. Это был какой-то странный огонь – весь белый.

– Зажми нос и прыгай! – приказал дядя. Я прыгнул, очутился в воде и камнем пошёл ко дну. На дне лежала труба. – Ты видишь – она медная, – сказал дядя. Мы полезли в неё.

Некоторое время я пробирался по трубе. Впереди мерещился слабый свет. – „Дя-дя-а!“ – заорал я.

В ответ раздалось такое эхо, что труба лопнула, и я кубарем вылетел из неё. Я летел высоко над облаками. Дядя летел рядом и улыбался: „Ты видишь полюс?"

В самой середине Северного полюса – там, где сходятся меридианы, – я увидел снежный домик. Рядом стоял Полярный человек.

– Здравствуйте, – сказал он, когда мы спустились. – Молодцы, что прилетели!

Сначала мы пили в комнате чай, а потом Полярный человек познакомил меня с моржами, и мы немножко поиграли.

Потом мне вручили бивень. Возвращались мы той же дорогой. Я сказал дяде спокойной ночи, кое-как разделся, сунул под подушку бивень и уснул как убитый.

Проснулся я поздно. Было воскресенье. Я сразу сунул руку под подушку. – „Где мой бивень?“ – крикнул я. – „Какой бивень?“ – спросил дядя. – „Который я положил под подушку!“ – „Я ничего не знаю...“ – удивился дядя.

– „Неправда! – закричал я. – Отдайте мой бивень!" – Я упал на кровать, захлёбываясь от рыданий. – „Он болен!" – сказала мама. – „Ничего он не болен. Просто ему приснилось. Одевайся, пойдём в цирк", – сказал дядя.

–,,Не подлизывайся. Ты жалкий обманщик!" – крикнул я. – ,,Ну, знаешь..." – обиделся дядя.

Все вышли из комнаты. Пусть я умру, думал я. Тогда они узнают! Они будут стоять, содрогаясь от рыданий, и протягивать мне огромный прекрасный бивень, но будет уже поздно. Я буду спокойно улыбаться.

Несколько дней я одиноко бродил во дворе. Ничего меня не радовало. Я понимал, что обидел дядю, что должен попросить прощения, но не мог подойти первым. Не простившись со мной, дядя опять уехал в экспедицию.

Один раз я шёл из школы в хорошем настроении. Во-первых, приближалось Первое мая. Во-вторых, должен был приехать дядя, и я надеялся с ним помириться.

Когда я вошёл во двор, меня сразу увидели ребята. – „Иди сюда! Здесь дохлая крыса!“ – позвал Витька. – „Я спешу к дяде“, – ответил я. – „Дядечкин хвостик!“ – заорал Витька. – „А ты дохлая крыса!“

Вдруг меня что-то ударило в спину. Я обернулся: передо мной стоял Витька. – „Воображала! Иди к дядечке! Пусть он тебе что-нибудь наврёт. Про полюс. Или ещё про что-нибудь!“

Я стукнул Витьку портфелем — за дядю. А он ударил меня кулаком в лицо. У меня сразу пошла кровь из носа. Витька увидел кровь и побежал. — „Ура!“ — закричал я ему вслед. И заплакал.

Войдя в квартиру, я так и прирос к месту: я услышал за дверью дядин голос. Я знал, что сейчас к нему подойду, но мне было стыдно.

30

Из комнаты вышла мама и взяла меня за руку: „Пойдём!“ – Когда мы вошли, я увидел дядю. Но мама подвела меня к кровати и подняла подушку... Под подушкой лежало два бивня!

Я кинулся к дяде и стал его целовать. А из головы не выходила драка с Витькой. – „У тебя бывали в жизни неприятности?“ – спросил я. – „Давай лучше говорить о приятностях“, – сказал дядя. – „Ну дядя же! Я серьёзно!“

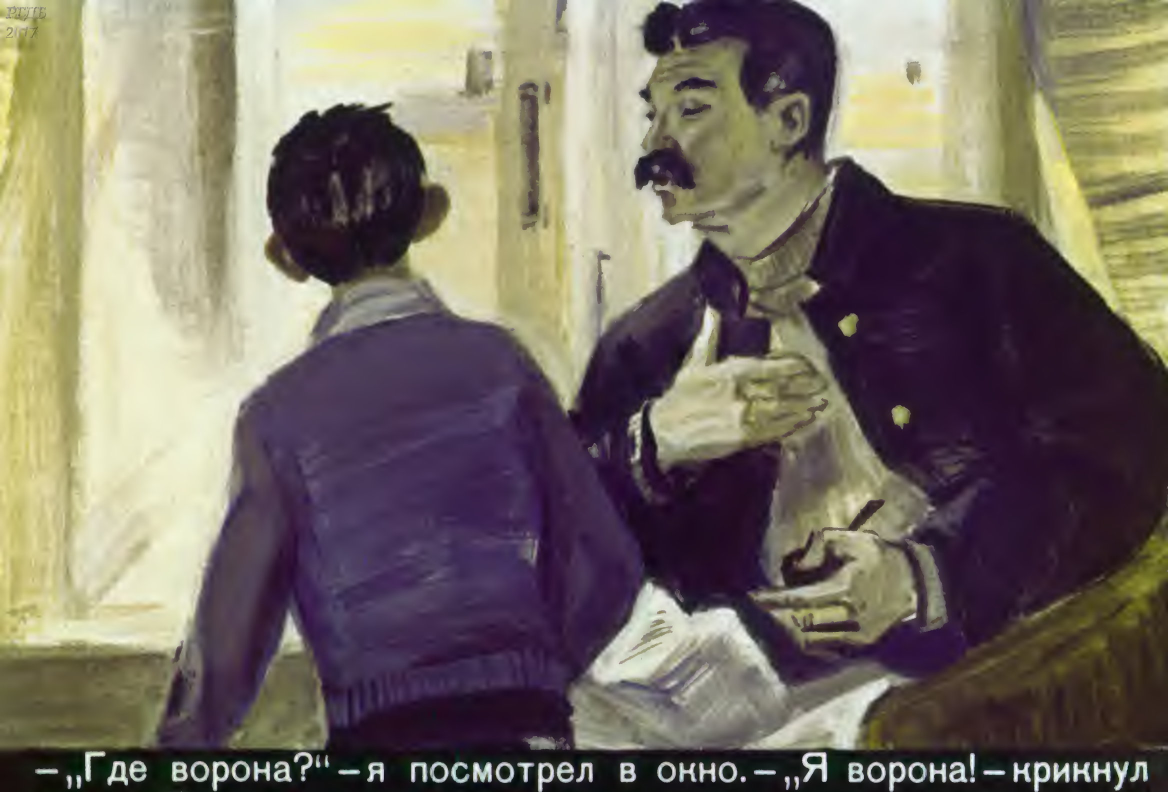
– Был однажды случай, – начал дядя. – В тринадцатом году. Я шёл на явку и плохо замёл след. За мной увязался шпик. Ну и рожа, скажу я тебе! Я его сразу заметил.

Царское правительство выслеживало нас и сажало в тюрьму. Я должен был попасть на явку незаметно. Там собирались большевики-подпольщики. Я прошёл один квартал, другой, шмыгнул в подворотню – шпик шёл за мной!

Тогда я схитрил – вскочил на ходу в конку... Шпик прыгнул, но упал в лужу... – „Молодец, дядя!“ – крикнул я. – „Ворона!“ – сказал дядя.

– „Где ворона?" – я посмотрел в окно. – „Я ворона! – крикнул дядя. – Подходя к дому, где помещалась явка, я опять увидел шпика! Надо было предупредить товарищей".

Я заорал прямо перед окном: „Держи вора! Держи вора!“ – В окно выглянули товарищи... Тогда я кинулся прямо на шпика, сбил его с ног и помчался по улице. Шпик тоже орал: „Держи! Держи!“

Меня поймали и посадили в тюрьму. Но зато я спас товарищей. – „Тебя пытали?“ – спросил я. – „Нет... Просто били“. – „А ты?“ – „А я молчал“.

– „Жаль, что я маленький и не был тогда с тобой. Я бы тебе помог!“ – „Это очень хорошо, что ты маленький! – сказал дядя. – Зато ты моя смена! Ведь борьба никогда не кончается“.

На другой день я принёс бивни в школу. И Витька был уничтожен. Он молчал. Зато я говорил. Про Северный полюс. И про шпика. И про дядю. Что он у меня старый большевик. И что мы—его смена.

Потом я перешёл в пятый класс, и мы уехали на дачу. Дядя подарил мне мелкокалиберную винтовку, и я ходил на охоту. А сам дядя остался в Москве – у него было много работы.

Я очень хорошо запомнил это лето. Тогда все говорили об Испании. Там подняли голову фашисты и началась гражданская война. Это было в 1936 году.

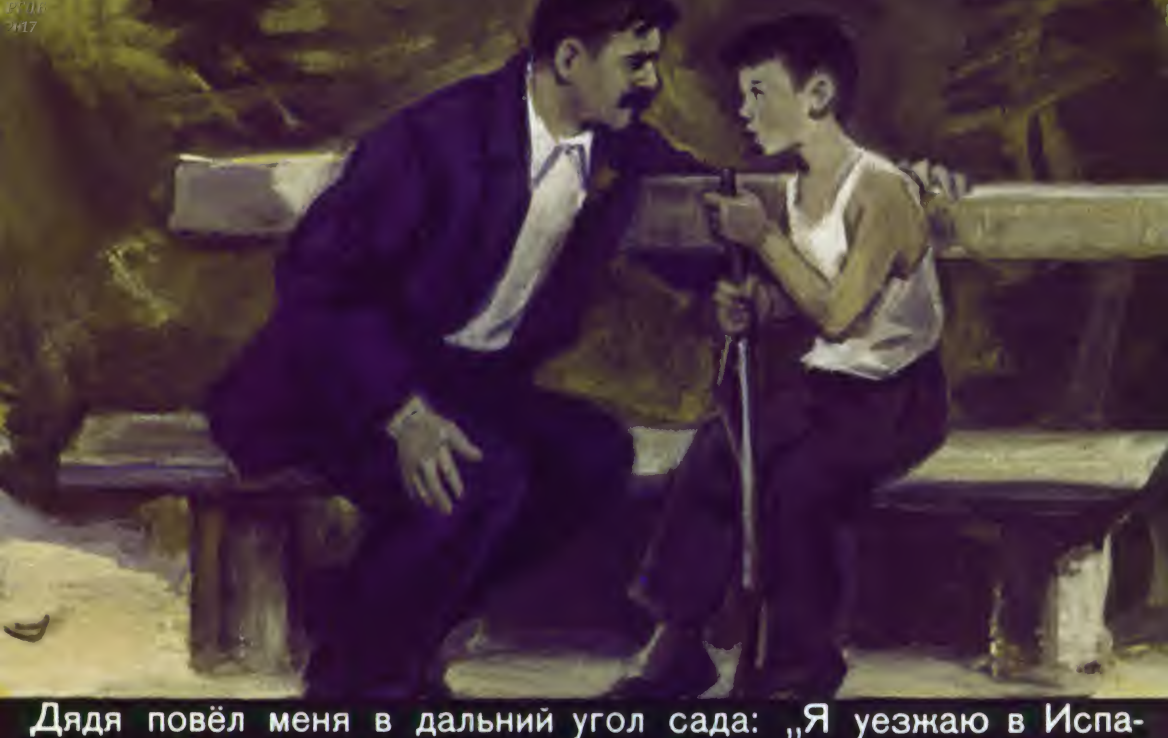
Дядя прислал мне испанский плакат. Я любил на него смотреть. Ведь у нас тоже была гражданская война. В ней участвовал дядя. И папа. И мама. Мы всех белых давно разбили и установили у себя Советскую власть.

Попасть бы мне в Испанию, думал я. Я бы убил много фашистов. Целую кучу! Вот бы обрадовался дядя.

Однажды я пришёл домой после охоты и увидел в саду дядю. – „Познакомься, – сказал он. – Мои друзья, старые большевики. Они приехали меня провожать“. – „Куда?“ – обомлел я.

Дядя повёл меня в дальний угол сада: „Я уезжаю в Испанию!“ – „Драться с фашистами?!“ – „Драться с фашистами“. – „Я тоже хочу в Испанию!“ – крикнул я. – „Тебе нужно учиться, – сказал дядя. – Математике. И стрелять“.

И вдруг дядя запел, как будто не пел, а просто так говорил: „Там, вдали за рекой, зажигались огни, в небе ясном заря догорала, сотня юных бойцов из будённовских войск на разведку в поля поскакала...“ – Я тоже стал подпевать дяде.

...Они ехали долго в ночной тишине
По широкой украинской степи.
Вдруг вдали у реки засверкали штыки –
Это белогвардейские цепи.

И без страха отряд поскакал на врага,
Завязалась жестокая битва.
48

И боец молодой вдруг поник головой –
Комсомольское сердце пробито.
Он упал возле ног вороного коня
И закрыл свои карие очи:
„Ты, конёк вороной, передай, дорогой,
Что я честно погиб за рабочих...“

Я вспомнил, как всегда волновался, когда был маленьким: сумеет ли конь передать? А дядя мне объяснял, что конь непременно передаст, потому что это не простой конь, а учёный.

Но молодой боец вовсе не был тогда убит, он был просто ранен. И теперь, когда он стал старым и мудрым, он снова отправляется в бой... И плакать нельзя, потому что я пионер.

С тех пор прошло много лет. Дяди давно уже нет. Но я всегда помню его слова о том, что борьба никогда не кончается. И что мы все – его смена.

КОНЕЦ

Редактор Л. Белая
Художественный редактор Л. Усайтис

Студия „Диафильм", 1967 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Д-235-67

Чёрно-белый 0-20. Цветной 0-30

